

«МИР ПОВЕРНУЛСЯ НА ОСИ...»

(к 80-летию Вадима Ерёмина)

*Мир повернулся на оси,
Чего никто и не заметил.
А ты его переспроси,
Куда он дел вчерашний ветер?*

Вадим Ерёмин

Вадим Ерёмин, пожалуй, более известен как детский поэт. Да и как иначе – на его стихи для детей написаны десятки песен, которые поются детскими вокальными коллективами Орла по всей стране, стихи звучали в телепередаче «Спокойной ночи, малыши!», печатались в «Пионерской правде», их ценили такие мастера как Валентин Берестов и Владимир Приходько, выступать перед юными читателями Ерёмина буквально завлекали все детские библиотеки Орловщины. Впрочем, и сам Вадим Геннадьевич всегда охотнее шёл на встречи именно с детьми. В областной детской библиотеке имени

М.М. Пришвина, с которой Ерёмин объездил всю Орловскую область, его считали поистине родным человеком. Согласитесь, это очень непросто – суметь завоевать безграничную любовь маленьких читателей, всегда крайне взыскательных. Вадим Ерёмин умел. Прежде всего, той природной своей детскостью – открытой, непосредственной, честной. Вот и закрепилось за Ерёминым вроде бы несерьёзное (а на мой взгляд, поди-ка, другой, заслужи!) звание детского поэта.

Однако куда же деть тот факт, что предисловие к первому сборнику стихотворений Вадима Ерёмина «Дорога на Спасское» (Москва: Современник, 1983) написал не кто-нибудь, а сам в то время уже очень известный Юрий Кузнецов, который совершенно не терпел даже малейшей небрежности в поэтической строке? А это, поверьте, уже очень серьёзно. Маститый поэт с первой, небольшой книжки увидел в Ерёмине достойного собрата по перу, отмечая удачные строки: «Такой взгляд на мир ясен и глубок. Но это уже больше, чем взгляд, это прозрение!» Кстати, в дальнейшем двух этих поэтов связывала сдержанная мужская дружба: реже – встречи, чаще – письма. Мне доводилось видеть у Вадима Геннадьевича книги Кузнецова с дарственными надписями, думаю, и тот с доброжелательным вниманием следил за творчеством орловского коллеги.

За первым признанием последовали положительные отклики на творчество Ерёмина в альманахах «Поэзия» и «Весть», газетах «Московские новости», «Московская правда», в орловской периодике.

В орловской литературном сообществе Вадим Ерёмин стоял особняком. Нет, его любили и горячо поддерживали многие орловские писатели – в местной печати очень хорошо отзывались Николай Перовский, Иван Рыжов, Геннадий Попов, Ирина Семёнова, Юрий Оноприенко. Но подчёркнутая лаконичность поэзии, неожиданность и яркость образов, порой доводящих строку до гротеска, делали Ерёмина ни на кого не похожим, являли как бы новый, никому другому не свойственный ерёминский язык. Но он, этот язык, был понятен читателю и принимал им на том самом образном уровне, на котором собственно и должно воспринимать поэзию. А тончайшая авторская самоирония помогала читателю безоговорочно переносить себя в созданные поэтом обстоятельства. Вероятно, в этом и заключается сверхзадача поэта.

Вадим Ерёмин никогда не свернул с избранного пути, ни разу не изменил своей творческой манере. Таким и остался в литературе – неповторимым поэтом, показавшим нам одну из незнакомых прежде граней привычного мира, слегка повернув его на своей оси.

Андрей Фролов

СТИХИ ВАДИМА ЕРЁМИНА

***

Есть жизнь вторая или третья,
В которой мается поэт.
Её глухие междометья
Не задевают белый свет.

Её приливы и отливы
Тайком нисходят на чело.
Над этой жизнью плачут ивы.
Всё остальное – ремесло.

***

«Друзья познаются в беде».
Да где они?
Нету нигде!

Один над обрывом стою,
Цепляясь за ветра струю.

А ветер несёт по воде:
– Друзья познаются в беде.

НА СТЕКЛЯННОМ ВЕТРУ

Жизнь печально кончается,
Что с собой заберу?
Колокольня качается
На стеклянном ветру.
«Морж» купается в проруби,
Тоже скоро помрёт.
Вот шаррахнулись голуби
На две жизни вперёд.

Дым в пружину свивается,
Тянет в небо трубу.
Новый век затевается
На приокском горбу.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Почернело в лесу.
Почуднело.
Обезглавленным кажется лес.
Лишь сорока
строчит оголтело
В темноту
несусветную весть.
Почернело в лесу,
почуднело,
Как в заброшенном монастыре.
Каждый шорох
взведён до предела.
И мурашки
бегут
по коре.

ВЕРА

Часовня с иконой
Есть в поле пустом.
Ни пеший, ни конный
Не помнят о том.
Торопятся мимо,
Не смотрят вокруг –
Ведёт пилигрима
Не зренье, а слух.
Бессменно копясь
В могильной пыли,
Часовня, как парус,
Маячит вдали.
Огонь её медный
Дрожит, как палаш.
И верует смертный:
– Часовня – мираж...
Колелблется воздух,
Двоится киот.
Часовня, как посох,
Свой возраст клянёт.
Глядит она зорко,
Как старец к беде.
Но нет горизонта

Прямого нигде.
Далёкие страны
Плывут стороной.
Свои у них планы,
Ход мыслей иной.
Они – пилигримы,
И ты пилигрим.
Они повторимы,
И ты повторим.
И только часовня
Не стала видней.
И небо бессонно
И вечно над ней.

***

В белом небе звезда проплывает,
Прибавляет берёзам седин.
И, как будто вода прибывает,
Понимаешь, что ты не один.
Растворяются сизые дали.
Сходят звуки в бездонный овраг.
Всё острее ощущаешь с годами
Безысходный космический страх.
Тишина свою тайну скрывает
От забытых тобою страниц.
Неподвижно звезда проплывает.
Почему ты не падаешь ниц?

КОМНАТА СМЕХА

Ах ты, комната смеха,
Комната детская,
Королевство кривых
Запотевших зеркал,
До наивности смело
Ты умела взглядеться
И открыть человеку,
Что весь мир – зубоскал.

Ты могла лилипута
Возвести в Гулливеры,
А потом рассмеяться
От его кривизны.
Зоркий мой первопутук,
Зеркальная вера,
Помоги мне остаться
Таким же смешным.

Верить в мир преломлений,
Мир гротесков и граций,
В королевство вопросов
И праздничных грёз.
Это боль поколений –
С тобой расставаться,
Ах ты, комната смеха,
Комната слёз.

***

Вот и прошло бесконечное детство,
Скоро начнётся опять.
От повседневности некуда деться,
Хочется душу распять.
Веет повсюду кладбищенский воздух,
Осень цветами больна.
Больше никто не мечтает о звёздах,
Благо, что светит луна.
Изредка стонут вдали паровозы:
Будь им помощником, Бог!
В кроне любой поределой берёзы
Кроется сдержанный вздох.

ПРОЗАИЧЕСКОЕ

Пока мы чего-нибудь стоим,
Пока мы кому-то нужны,
Мы ходим стреноженным строем,
От пыли и грязи черны.
Когда обрываются связи,
И мы не нужны никому,
Очистись от пыли и грязи,
Мы странствуем по одному.

СЛУЧАЙ НА КОРАБЛЕ

Крысы, сбежавшие с корабля,
Вновь объявились в конце декабря.
Вскрыли печати и в две-три минуты
Заняли брошенные каюты.
Вылив на прошлое грязи ушат,
Снова решают проблемы мышат.
Нужно признать, что во веки веков
Непотопляем Корабль Дураков.

ВИДЕНИЕ

Черепица облезлых спин
Обтекает пологий холм.
Отреклись от нас Бог и Сын,
Не приняв наших догм и норм.
Уходящие за горизонт,
Не воротимся мы назад.
Никогда нам не повезёт,
Слишком груз непосильный взят.
Твёрдых посохов нет в руках,
Только молоты и серпы.
Путь-дорога истёрта в прах,
А в обход – ни одной тропы.

ОСЕННИЙ РОМАНС

Роняет ветер лист
В сухие ковыли.
Я перед вами чист,
Как церковь на Нерли.

Уже скосила Русь
Тяжёлые хлеба.
Судить я не берусь,
Куда ведёт судьба.

Давно находит взгляд
Приметы перемен.
Дороги не пылят
И взять не могут в плен.

Далёкие леса
Вступают на холмы.
Скупой полёт листа
Понять не в силах мы.